DOI: 10.17117/na.2015.09.1514

Поступила (Received): 28.09.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.09.1514.pdf>

Казанцева Г.В.

**Античная биография и монументальная историография:
описание жизни «великих» мужей в контексте
исторического и биографического повествования**

Kazantseva G.V.

**Antique monumental biography and historiography:
the life of the "great" husbands, in the context
of historical and biographical narrative**

В статье рассматриваются проблема идентичности античной биографии и монументальной историографии, анализируются жанровые параллели между «Историей» Геродота, «Историей Пелопонесской войны» Фукидида и «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха
Ключевые слова: Геродот, Фукидид, Плутарх, беллетризованное биографическое жизнеописание, монументальная историография, соотношения «факт – вымысел», историческая личность

The article discusses the problem of identity of ancient biography and historiography monumental, genre analyzes the Parallels between "the History" Herodotus, "History of the Peloponnesian war" of Thucydides and "Comparative biographies" by Plutarch

Key words: Herodotus, Thucydides, Plutarch, fictionalized biographical biography, monumental historiography, the ratio "fact – fiction", historical personality

Казанцева Галина Владимировна

Доктор филологических наук, профессор
Коломенский институт (филиал МАМИ)
г. Коломна, ул. Октябрьской революции, 408

Kazantseva Galina Vladimirovna

Doctor of Philological Sciences, Professor
Kolomna institute (branch MAMI)
Kolomna, October revolution st., 408

В современных гуманитарных науках проблема жанровой идентичности произведений античности является одной из актуальнейших. В то же время в древнегреческих и древнеримских руководствах, в частности в «Поэтике» Аристотеля, подчеркивалось, что любому жанру присуще установление конкретных субстанциональных признаков, служащих отправной точкой для определения его жанровой принадлежности [1].

Однако обособить на практике границы того или иного жанра, сущностная природа которого, по Аристотелю, имеет подражательный характер, весьма сложно. Сочетание разноаспектных источников, использованных Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях», позволяет одним исследователям относить биографии древнегреческих и древнеримских героев к историческим сочинениям [2], другим – к художественной, беллетристической, литературе [3]. Очевидно, что сам факт полемики между историками и литературоведами

свидетельствует о наличии преемственных, генетических связей между античной историографической и биографической литературой.

В осмыслении проблемы «родственных» связей между традициями древнегреческих произведений документального и художественного содержания мы придерживаемся точки зрения С. С. Аверинцева: «Античная биография возникла и развивалась в отталкивании от монументальной историографии, как порождение центробежных, антимонументалистских тенденций эллинистической культуры. Ее жизненной атмосферой был дух неразборчивого любопытства или педантичного коллекционирования нужных и ненужных сведений; иногда эта бесстрастная акрибия сменялась резкой оценочностью и взвинченной риторической патетикой, и тогда возникал биографически оформленный энкомий или его антипод – “псогос”» [4, с. 176].

Известно, что Плутарх к истории – документальной основе «Сравнительных жизнеописаний» – относился весьма неоднозначно. Обратимся к его сочинению «О злоказненности Геродота», идейную основу которого составляют размышления автора об эстетических и этических функциях «правды» в сочинениях Геродота и Фукидида. По мнению херонейского писателя, подлинные обстоятельства жизни реального лица, воспроизведенные в тексте исторического произведения, должны, с одной стороны, базироваться на информационной точности и открытости авторских суждений. Но, с другой стороны, считает Плутарх, если *genomena* (события) и *erga* (деяния) «порочат» образы «великих» героев, как, например, Алкея (в «Истории» Геродота) или Никия (в «Истории» Фукидида), то их в произведении не следует рассматривать. Плутарх считает, что «выбор» (отбор) фактов должен мотивироваться моральными нормами времени, т. к. функция «документа» в биографическом произведении заключается не в описании всех без исключения событий из жизни героя, а в создании характера исторической личности.

В предисловии к биографической паре «Александр и Цезарь» Плутарх пишет: «Мы пишем не историю, а жизнеописания, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека...» [5, с. 360]. По мнению Плутарха, история изучает прошлое, основываясь на конкретном фактическом материале, а биография описывает нравы и характеры героев, их добродетели или, наоборот, пороки. Однако отсутствие четких границ между историей и биографией как жанровыми разновидностями античной прозы творцам прошлого давало возможность рассматривать и историю Древней Греции и Древнего Рима как историю жизни «великих» правителей: Солона и Попликолы, Перикла и Фабия, Пирра и Гая Мария и т. д. Не случайно и Плутарх, высоко ценивший труды историков, активно использовал их в «Сравнительных жизнеописаниях».

Монументальная историография, оказавшая большое влияние на жанровое оформление античной биографии, изначально соединяла в своей структуре рациональное – науку (историю), предназначение которой заключалось в установлении исторических фактов и закономерностей; и иррациональное – искусство, постигающее действительность не разумом или мышлением, а чув-

ствами, благодаря которым, по мнению Плутарха, возможно «углубиться в изучение признаков, отражающих душу человека, и на основании этого составлять каждое жизнеописание, предоставив другим воспевать великие дела и битвы» [4, с. 360]. Жанровая форма античной историографии, по способу изложения фактов имевшая характер смешанного повествования, изначально предполагала функционирование в ней соотношения «документ – вымысел» и творческую установку ее автора на занимательность, типичную для античной биографии.

Не случайно к разряду документа как древнегреческие историки (Ксанф Лидийский, Фукидид, Феопомп, Диодор Сицилийский, Прокопий Кесарийский и др.), так и биографы античного времени относили: беллетризованные в историко-культурной памяти поколений сведения – общественную сплетню, анекдот, слухи и т. п., которые в большинстве случаев вступали между собой в явное противоречие; и труды историков и мыслителей, идейное содержание которых выстраивалось с учетом их гражданских убеждений (какие-то факты жизни исторической личности авторами сочинения могли рассматриваться или не рассматриваться, значение того или иного документа могло преувеличиваться или, наоборот, преуменьшаться и т. д.).

Классическим образцом соединения документального и художественного [6] в контексте эпического повествования о жизни исторических лиц является «История» («Музы») греческого ученого и писателя Геродота (484 – 425 гг. до н. э.). «Свою историческую задачу Геродот видел в том, чтобы не исчезли в памяти людской великие деяния и греков и варваров, свершенные во время великой освободительной войны Греции против персидской монархии, современником которой он был» [7], – подчеркивают исследователи его творчества.

Известно, что построчный перевод первых строк «Истории» Геродота в подлиннике – *istoriḥw rodejiz*, по мнению большинства ученых, обозначает «изложение сведений, полученных путем расспросов» [8]. Однако в современных русских изданиях замечание автора: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, и особенности же то, почему они вели войны друг с другом» [9, с. 2], – традиционно выносятся за пределы содержания сочинения и грамматически оформляется в виде сноски.

Очевидно, что под «сведениями» Геродот подразумевал не только беллетризованные факты устной традиции – рассказы современников, народные «достоверные» предания (понятие, активно употребляемое в сочинении и Геродота, и Плутарха) и легенды, но и письменные фактографические источники – прежде всего, работы логографа Гекатея Милетского, выступления-тексты ораторов, поэтические и драматические произведения, официальные записи и т. д.

Ключевые понятия «события – деяния» – войны», поставленные Геродотом в один семантический ряд и составляющие тем самым внутреннее идейно-тематическое единство «Истории», подводят к умозаключению, что творческая сверхзадача автора ограничивалась не только рамками исторического экскур-

са в прошлое, но и предполагала также и освещение жизнеописаний «деятелей», творивших и совершавших эти великие события в эпоху античных войн.

Несомненный интерес в изучении проблемы биографического повествования в «Истории» Геродота представляет труд М. Ланга «Биографические схемы фольклора и мораль в «Истории» Геродота». По мнению исследователя, человеческая жизнь в «Истории» Геродота представлена по схеме «взлет – падение» с такими неизменными ее атрибутами, как благоденствие, превозношение, желание того, чего нет в наличии, неминуемая гибель и т. д. Ученый полагает, что логику изображения жизни исторических личностей «Истории» Геродот перенял в свою очередь у античных авторов греческой поэзии и трагедии [10]. Анализ биографического метода, использованного автором в «Истории», демонстрирует, что каноны жанра, ставшие продуктивными впоследствии не только в жизнеописаниях античных писателей – Исократа, Аристоксена Тарентского, Плутарха и Светония, но и европейских и русских авторов Нового времени, начали формироваться еще в творчестве Геродота.

Геродот одним из первых в античной литературе преобразовал традиции древнегреческой логографии, органично соединив в «Истории» этнографическое, географическое, историческое и биографическое начала. Композиционно разрозненные друг от друга, но объединенные идейно-тематической направленностью рассказы – логосы – о том или ином государстве связывает в непрерывное повествование цепь биографических описаний, образующих в совокупности своеобразный цикл жизнеописаний царей и полководцев. Художественное новаторство Геродота в «Истории» заключается и в том, что авторская интенция, выраженная в ней через центральную идею произведения, скрепляет все его части в единое целое: творцом истории является известная, знаменитая, но не всегда «замечательная» личность.

Соположение античной историографии и античной биографии показывает, что, несмотря на то, что в основе первой лежит «*res gestae*» (деяния), второй – *vita* (жизнь), между этими жанровыми разновидностями нет четкой границы, т. к. описание жизни человека непременно включает в себя изображение не только внешней жизни – его поступков и деяний, но и внутренней – мыслей и чувств.

Заслуга Геродота в формировании историко-биографической традиции проявляется и в том, что рамками описания жизни царей и политических деятелей он отделяет друг от друга основные события греко-персидской войны. По мнению писателя, судьба истории и народов метафизически зависима от «земных» правителей, действия которых обусловлены и мотивированы не только личными желаниями и побуждениями, но и фатумом.

Очевидно, в этом смысле можно говорить об идейных схождениях историографии с жанрами трагедии и жизнеописания одновременно. Основной задачей авторов древнегреческого эпоса было стремление мыслителей, в том числе Геродота, следовать общепринятым в афинском обществе рациональным принципам правопорядка: любой человек, независимо от своего происхождения и общественного положения, совершивший преступление, в том числе и моральное, должен был понести справедливое наказание.

Так, например, причину поражения ионийского восстания (499 г.) Геродот видит в эгоистических устремлениях милетских тиранов. Не случайно повествование о разгроме восстания прерывается авторским сообщением о смерти его предводителей Аристагора и Гистиея. Подобный ракурс на ход исторических событий, исход которых зависел как от воли человека, так и рока, полагают исследователи, типичен для Геродота. «Персидскую экспедицию при Дарии обрамляет очерк о Мильтиаде: к ее началу приурочена генеалогия героя марафонской битвы, а ее послесловием служит его смерть. Мотивом Фемистокловой догадливости (VII, 143) и Фемистокловой славы (VIII, 124-125) открывается и заканчивается рассказ о противоборстве эллинов Ксерксу. Рубежами карьеры Мардония – от его женитьбы на дочери Дария (VI, 43) до гибели в Платейской битве (IX, 63) – охвачен весь период от первого вторжения персов в европейскую Грецию до их окончательного изгнания из нее» [11, с. 29], – указывают Т. И. Кузнецова и Т. А. Миллер.

Повествовательный дискурс, актуальный для Геродота, позволяет предположить, что историю греко-персидской войны писатель изображает через описание жизни центральных персонажей – царей и полководцев – как закономерность, а не как случайность: от воли и деятельности правителей зависела судьба всего народа и государства. Изначальная творческая установка автора на параллельное историографическое и биографическое повествование: «...так как я знаю, что человеческое счастье изменчиво, то буду одинаково упоминать о судьбе тех и других» [9, с. 4], – позволяет вплетать в ткань произведения: а/ полные биографии центральных героев, от деяний которых зависел успех или неуспех того или иного политического предприятия; б/ неполные биографии эпизодических лиц или мифологических героев, чьи поступки и деяния утверждали добродетели или пороки; в/ биографии-штрихи (биографии в ремарках), тем или иным образом имеющие отношение к жителю центрального персонажа.

Предложенная нами внутривидовая типология жизнеописаний в «Истории» позволяет отнести к первому виду биографии царей: лидийского – Креза; персидских – Кира, Камбиса, Гистаспа, Дария, Ксеркса, Артаксеркса; спартанских, как указывает сам автор, «вплоть до Персея» [8, с. 273], – Кисомена, Писистрата, Мильтиада и др.; египетского – Амасиса; царицы Артемисии; биографии военачальников: Персии – Мардония; Коринфа – Адиманта и др.

Биографические описания в «Истории» носят рассредоточенный характер, и жизненный путь героев в большинстве случаев, как и в жизнеописании, подчинен следующей схеме: родословная героя; первое упоминание-характеристика о герое; его общественно-политическая деятельность; описание его нравственных и моральных качеств через поступки; д/ наказание за нарушение добродетелей; гибель или смерть.

Полнотой и глубиной изображения характеров исторических личностей отличаются сопоставительные жизнеописания Креза, царя Лидии середины VI в. до н. э., и Кира, правителя Персии («Книга I. Клио»). Творческой манере Геродота, как и Плутарха, свойственно параллельное изображение героев. Но биографические пары в «Истории», в отличие «Сравнительных жизнеописа-

ний», также составляющие внутреннее единство в тексте, не персонифицированы и соответственно не рубрицированы, как, например, в «Агесилае» Ксенофонта или в «Жизни двенадцати цезарей» Светония.

Но, тем не менее, в соответствии с жанровыми традициями эпизоды локальных историй Геродот сделал «частью рассказа о персидских царях, а биографии этих правителей составной временной последовательностью фактов» [10, с. 27]. Так, жизнеописание лидийского и персидского правителей объединены мыслью автора о том, что каждый из них совершил агрессивные акции против греков. «Крез, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань; с другими же заключил союзные договоры» [11, с. 4]; а при другом – «Иония вторично потеряла свободу <...> островные ионяне, устрашившись подобной же участи, добровольно подчинились Киру» [11, с. 54], – указывают исследователи.

Очевидно, что элементы синкрисиса, типичного для «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, обнаруживаются уже в писательской манере Геродота. Сопоставительные пары «Крез – Кир» в свою очередь позволяют условно разделить первую книгу «Истории» на биографии Креза и Кира. Для логической и семантической связи последующей и предыдущей частей Геродот, как и Плутарх, традиционно использует обобщенно-номинативные предложения. О Крезе – «После кончины Алиатта царство перешло к его сыну Крезу, которому было тогда 35 лет от роду» [8, с. 10]; о Кире – «Отныне речь у нас пойдет о Кире – кто был этот человек, разрушивший державу Креза, – и том, как персы стали владыками Азии. Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду» [9, с. 33].

По мнению исследователей, «правда» о жизни, точнее эпизод о гибели Кира, напоминает рассказ Плутарха о гибели Красса в битве с парфянами [12, с. 118]. Сравнительно-сопоставительный характер образам героев в «Истории», как и в «Сравнительных жизнеописаниях», придают синтаксические единицы – указательные и ограничительные обороты автора: вот он кто, вот он что сделал, вот что с ним было, т. е. в форме ответа на вопросы «кто он такой? как это случилось?»

Используя метод пересечения биографических линий, Геродот не только сопоставляет, но и противопоставляет образы Кира и Креза. В соответствии с художественной этикой времени в первом из них он подчеркивает стремление к добродетели и великодушию, а во втором – внутреннюю готовность раскаться в содеянном. Дидактическая и моралистическая направленность эпизодов, раскрывающих внутреннее противоборство каждого из них с самим собой и одновременно внешние противоречия друг с другом, способствуют созданию эмоционально-напряженного диалога с читателем: «И вот (так передают лидийцы), когда Крез заметил раскаяние Кира и увидел напрасные старания всех затушить пламя костра, он громко воззвал к Аполлону. Крез молил бога: если богу были угодны его [Креза] жертвоприношения, то пусть он придет на помощь и спасет от настоящей беды. Так Крез слезно молил, призывая Аполлона. И вот тотчас среди ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи

и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер. Тогда-то Кир понял, что Крез – человек, любезный богами благочестивый» [9, с. 87-88].

Эмпирическое изображение внутренних порывов одного через описание мыслительно-эмоционального состояния другого позволяет автору в образах героев выделить позитивные или негативные свойства их внутреннего мира. Отметим, что Геродот во всех девяти книгах «Истории» использует зеркальную технику отражения характера одного героя через описание моральных устоев другого, что впоследствии было использовано Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях» и нашло художественное воплощение в синкрисисе произведения. Задаче морализации поступков центральных персонажей подчинено содержание биографий второго типа.

Это неполные жизнеописания героев, в которых в «Истории» основное внимание акцентируется на фактах, имеющих только этическую и моральную направленность. Прием выборочного (частичного) соотношения деятельности исторической личности с поступками эпизодического лица способствует формированию представлений о нравственности или безнравственности центрального персонажа.

Именно мотив наказания за преступление в каждой из девяти частей «Истории», начиная с «Книги I. Клио», становится сквозным в описании жизни центральных персонажей. Так, с первых строк повествования сложившемуся мифологизированному представлению о причине вражды между персами и греками Геродот противопоставляет собственное воззрение: «Что до меня, то я не берусь утверждать, случилось ли это именно так или как-нибудь иначе. Тем не менее, я хочу назвать человека, который, как мне самому известно, положил начало враждебным действиям против эллинов» [9, с. 4]. По мнению автора, этот «человек» – лидийский царь Крез, которому с течением времени «удалось подчинить все народности по сю сторону реки Галиса» [9, с. 10].

Однако следует заметить, что жизнеописанию царя Креза предшествует объемный пролог – мифологизированный рассказ о родословной героя, (актуальная композиционная черта и в античных жизнеописаниях), представленный беллетризованными биографиями двух эпизодических, но имеющих непосредственное отношение к Крезу лиц.

Первая из них – неполная биография Гигеса, телохранителя и доверенного лица Кендавла, волею случая совершившего убийство царя и ставшего впоследствии царем Лидии. В повествовании о злодеяниях Гигеса, о которых «рассказывает также Архилох из Пароса» [9, с. 6], выражаются моралистические тенденции, близкие автору: «Гераклиды получают возмездие в пятом потомке Гигеса. Однако лидийцы и их царь не придали значения этому оракулу, пока он не исполнился» [9, с. 4]. По мнению Геродота, именно династия Креза виновна в начале войны между греками и персами: «Этот Крез, насколько я знаю, первым из варваров покорив часть эллинов, заставил платить себе дань...» [9, с. 4].

Тема мести и обиды, возмездия и справедливости возникает и во второй новеллистической вставке об Арионе, органично наложенной Геродотом на повествование о войне царя Алиатта, отца Креза, с Фрасибулом. Биографические сведения в штрихах о греческом певце, воспитаннике Периандра, «кото-

рый сообщил Фрасибулу упомянутое изречение оракула» [9, с. 4], акцентируют внимание читателя на нравственной норме, традиционной для его эпохи – ничего сверх меры. Так биографический экскурс о Гигисе и Арионе Геродот становится отправной точкой для биографической линии лидийского царя Креза и логически пересекается с изображением жизни персидского царя Кира, разгромившего войско Креза и покорившего Лидию.

Рамки жизнеописаний центральных персонажей раздвигаются также благодаря сухим и кратким биографическим справкам в штрихах периферийных персонажей. Так, рассказ о походе Креза, искавшего по совету оракулов союзников против Кира, предваряется небольшими биографиями-упоминаниями об афинском правителе Писистрате, и спартанском царе Ликурге («Книга I. Клио»). Известно, что воображаемую модель биографии Ликурга в стилистической манере Геродота представили также Ксенофонт и Эфор. Однако самая полная его беллетризованная биография создана Плутархом, подводящая своеобразный итог литературной версии о Ликурге, также основанной на мифологических источниках, о чем автор упоминает с первых строк биографического повествования в предисловии: «В общем, ни один из рассказов о законодателе Ликурге не заслуживает полного доверия. О его происхождении, путешествиях, смерти, наконец, о его законах и политической деятельности существуют разноречивые показания; но в особенности мало сходства в рассказах о времени его жизни» [13, с. 91].

Крез в изображении Геродота постоянно испытывает двойственность своей натуры и часто оказывается перед нравственным выбором. Дисгармоническое состояние своего героя автор передает через сопоставительные биографические эпизоды о Писистрате, который «стал тираном в Афинах» [9, с. 21], и Ликурге, при царствовании которого «лакедомоняне переменили свои дурные законы на хорошие» [9, с. 22]. Мир героя раздроблен и рассеян, и, возможно, поэтому обласканный судьбой вначале своего политического поприща Крез к концу жизни, не в меру проникаясь высокомерием и безрассудством, терпит не только общественное, но и личное поражение.

Таким образом, в основе «Истории» Геродота и «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха лежит определенный тип культурно-эстетического сознания, во многом определяющий жанровую принадлежность обозначенных произведений. Безусловно, сюжетной канвой «Истории» Геродота служит точное изображение событий греко-персидских войн. Однако это было не только научное, но и художественное осмысление исторических событий, в содержании которых выражался также и идеал времени. Можно сказать, что труд Геродота – это не история и не биография в традиционном современном понимании, а соединение компонентов того и другого жанра. Такая жанровая многозначность «Истории», присущая и жизнеописаниям Плутарха, наводит на мысль о том, что каждая историко-литературная эпоха рождала свои формы, синтезировавшие в себе признаки родственных жанров, что в целом свидетельствовало об эволюции творческой мысли. Новизна творческого метода Геродота заключается в том, что он одним из первых в истории древнегреческой литературы апробировал художественный прием сопоставительного изобра-

жения жизни царей и полководцев на широком историческом фоне, создав тем самым парные портреты-биографии героев.

Не случайно уже в античности такие мыслители, как Дионисий Галикарнасский и Псевдо-Лонгин, находили в «Истории» больше авторского вымысла, нежели исторической правды, что позволяло им рассматривать труд Геродота как литературный, а не исторический памятник. По нашему мнению, именно Геродот практически реализовал литературно-исторические принципы внешней и внутренней организации жизнеописания, ставшие традиционными для сформировавшегося впоследствии жанра беллетризованной биографии: родословную героя, перечень поступков человека как проявления его личных свойств, описание смерти.

Список используемых источников:

1. Казанцева Г.В. Беллетризованные жизнеописания В.П. Авенариуса в контексте эволюции биографической прозы: Дисс. ...докт. филол. наук. М., 2011.
2. Штифтар В. Плутарх как историк // Гермес. 1910. № 11.
3. Соболевский С.И., Грабарь-Пасек М.Е., Петровский Ф.А. Позднейшие историки // История греческой литературы. Т. II. История, философия, ораторское искусство классического периода. М., 1995.
4. Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. М., 1993.
5. Гаспаров М.Л. Примечания // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. II. М., 1994.
6. Лосев А. Плутарх: очерк жизни и творчества // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Рипол Классик, 1996.
7. Лурье С.Я. Плутарх и его время // Плутарх. М.: Терра, 1996. Т. 1.
8. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М.: Наука, 1973.
9. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М.: Пушкинская библиотека, 2004.
10. Лурье С.Я. Геродот. М., Л., 1947.
11. Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.
12. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 36-40.
13. Krischer T. Herodots Prooimion. Hermes, 1965. Bd. 93, Hft. 2, S. 159-167.
14. Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 36-40.
15. Krischer T. Herodots Prooimion. Hermes, 1965. Bd. 93, Hft. 2, S. 159-167.
16. Геродот. История. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004.
17. Lang M. Biographical patterns of folklore and morality in Herodots History. Michigan, 1994.
18. Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. Геродот. Тит. Ливий. М.: Наука, 1984.
19. Тураев Б.А. История древнего Востока. Л., 1954.
20. Плутарх. Избранные жизнеописания. М.: Правда, 1987. Т. 2.

© 2015, Казанцева Г.В.

Античная биография и монументальная историография: описание жизни «великих» мужей в контексте исторического и биографического повествования

© 2015, Kazantseva G.V.

Antique monumental biography and historiography: the life of the "great" husbands, in the context of historical and biographical narrative